

Рут устраивала в Сохо вечеринку для актеров и съемочной группы сериала “Боль”, над которым она работала последние пять лет. Сначала камерный, подпольный кинозал, один из тех, что занимают помещения бывших конюшен, затем с дождливой улицы, вниз по узкой грязной лестнице — в ярко освещенный бар. Потайной, зато уютный. Повсюду смех, и джин льется рекой. В дамской комнате она накрутила губы и нарумянила щеки, бросила огненно-красный шарф, чтобы подчеркнуть темное пальто, и примерила теплую, понимающую улыбку хозяйки вечера. Ей нравились такие мероприятия. Ожидалось пятьдесят-шестьдесят гостей: актеры, монтажеры, техники — довольно неплохо для октябрьского дождливого вторника. Все собрались, чтобы отметить конец съемок и проводить сериал в непредсказуемый мир критиков и рейтингов. В такие вечера урезанный бюджет, переработки и громкие споры уходят в прошлое, и остается лишь рефлекторная близость между членами команды.

Рут общалась с гостями, обнималась, смеялась и сплетничала, пока не пришло время начинать показ.

Она взошла на небольшую сцену, подняла бокал и выждала, пока толпа утихнет. Затем сказала собравшимся, что все они отлично поработали: им удалось создать нечто потрясающее и актуальное.

— Сейчас мы посмотрим первую серию, но сначала давайте выпьем за “Боль”! За нас! Спасибо большое, я так вами горжусь!

Громкие аплодисменты, толпа устремила в кинозал. В обрывках разговора Рут услышала свое имя:

— Я ее просто обожаю!.. Чувствуется, что тебя ценят, такое сейчас редко встретишь...

— И не говори...

Рут приятно удивилась, ей эти слова польстили. Она замедлила шаг и прислушалась.

— ... не лезет в работу режиссеров и сценаристов, реально борется за проекты и всегда рядом, если пахнет жареным... Обычно от руководителей лучше держаться подальше...

— ... да, идейная, но такая веселая! А эти ее истории — обхохочешься!..

— ... уже столько лет работает...

Голос притих, но она расслышала.

— Под пятьдесят, наверное.

— Да нет, больше... Мы когда-то снимали с ней первую серию “Несчастливого случая”, давно дело было...

— ... когда-то была само очарование: длинные волосы, а глаза — ну прямо италяночка... даже сейчас фигура о-го-го, правда...

— ... годы никого не щадят, нам тоже достанется...

Эх, повернуть бы время вспять...

— Да уж, но она ведь не в твоём вкусе?

Рут задрала подбородок и поспешила пройти мимо, проклиная себя за тщеславие. Она прекрасно

понимала, о чем они говорили. Она помнила тот момент, когда впервые заметила перемену: четыре года назад в центре Лондона они с Лорен остановились купить кофе с тележки. Бариста, двое юношей лет двадцати пяти, окинули взглядом ее старшую дочь — фигуристую, в самом соку — и тут же принялись заигрывать. Рут хотела поддержать шутивную беседу, улыбалась и посмеивалась, но они не обращали на нее никакого внимания, будто ее и не было. За тридцать с лишним лет она привыкла к своей привлекательности, которая вдруг исчезла: и в Рут что-то угасло. В темно-каштановых волосах появились серебристые прожилки, и она стала делать хвост. Кожа потеряла эластичность и обвисла, как сырое тесто, обтягивая кости лица — ежемесячные гормональные всплески перестали ее омолаживать. Цветок навсегда увял. Не менопауза, а конец, финиш. Она это осознала, и осознание к ней пришло неожиданно.

Рут тряхнула головой, отгоняя плохие мысли, и постаралась вернуть самообладание. В центре зала нашлось свободное место, рядом с Беллой — под пятьдесят, глубокое декольте, блондинка и все еще эффектная. Они вместе работали на Би-би-си, а шесть лет назад основали продюсерскую компанию “Морраб филмз”, небольшую, но достаточно известную тремя успешными сериалами.

Белла взяла Рут за руку и прошептала:

— Отличная речь, дорогая. Ты молодец. Как же долго мы к этому шли, да?

Началась вступительная заставка: заиграла музыка, маленькая девочка бежит по темному коридору, плача и спотыкаясь. В кадре появляется взрос-

луй, видны только его руки. Он поднимает девочку, выводя ее из поля зрения: неизвестно, спасена ли она или в опасности. Приглушенные крики — и тишина. Потребовались недели монтажа, чтобы получилась конфетка: заставка цепляет, хочется узнать, что же будет дальше. “Боль” — это история о похищении и смене личностей, основанная на реальных событиях, которые потрясли Рут. Об этом было просто необходимо рассказать, но из-за череды юридических трудностей производство и выпуск затянулись, а Рут в душе начала переживать, что они упустят момент. В прошлом году серьезные, смелые драматические сериалы, подобные этому, пользовались большой популярностью у аудитории, но похоже, что в этом году зрителей интересуют только фэнтези и эскапизм. Если бы “Боль” провалился, у компании были бы большие неприятности: они рассчитывали, что второму сезону дадут зеленый свет. Хотя возможно, что Рут просто принимала все эти проблемы близко к сердцу — полтора года работы по вечерам и в выходные давали о себе знать.

Она устроилась поудобнее в большом велюровом кресле и позволила себе немного помечтать о том, что было бы, если бы она выбралась из этой бесконечной круговерти. У нее чудесная работа — безумная смесь из актерского мастерства, различных манипуляций, управления толпой и разрешения конфликтов — чудесная, только вот нервов не щадит. Каково это — бросить все и пожить для себя? Рут вздохнула. Если бы только выплаты по ипотеке не зависели от ее дохода, и ей бы не пришлось пахать как проклятой в ближайšie три месяца, чтобы “Морраб филмз” осталась на плаву...

Рут не заметила, когда телефон в кармане завибрировал в первый раз. Второй звонок проигнорировала — и третий. Только ощутив короткую пульсацию смс, она прикрыла телефон полой пальто и посмотрела на экран. Сообщение от Дэна:

Утром Лори потеряла
ребенка. Сделали срочную
операцию. Пожалуйста, приезжай.
Больница Лэдифилд, гинекология,
палата F

Резкая боль скрутила живот — Рут нагнулась вперед и обхватила его руками. Взяв пальто и сумочку, она наклонилась к Белле и прошептала:

— У Лорен опять выкидыш, надо бежать.

— Конечно-конечно! — Белла сжала ее руку. — Передай ей мои соболезнования.

— Сможешь поблагодарить всех за меня в конце?

Белла кивнула.

Пока Рут, извиняясь, протискивалась к выходу, ее телефон снова завибрировал.

— Адам?.. Знаю, Дэн мне тоже написал.. Да, просто ужасно. Четырнадцать с половиной недель, как же так.. Нет, на метро быстрее. Встретимся там.

Шел проливной дождь, поезд все время останавливался, но Рут была рада оказаться среди незнакомцев, в залитом неоновым светом вагоне, где ей не нужно было ни с кем общаться. Как только она вышла на станцию, ветер вывернул зонт наизнанку, обнажив металлический каркас. По пути в больницу

одежда промокла насквозь. Открывая двери гинекологического отделения, Рут вспомнила все мрачные паломничества в этот уголок Южного Лондона, которые им с Адамом пришлось совершить, чтобы оплатить смерть шести нерожденных внуков. Она зашла в туалет, отжала над раковиной мокрые волосы и посмотрела в зеркало: кроваво-красный шарф казался жестокой насмешкой — она сняла его и затолкала в сумочку.

Адам притаился в коридоре возле палаты. Он был на грани: в больницах ему всегда было не по себе.

— Ты чего так долго? Я тут уже полчаса сижу!

— Пробиралась к тебе через наводнение.

Рут обняла мужа, постучала в дверь и вошла в палату.

Перед ними предстала жуткая пародия на рождественский вертеп: их дочь и зять сидели на кровати, уткнувшись друг в друга. Лорен в бледно-голубом больничном халате, на правой ноге пятно засохшей крови. Дэн даже не снял пиджак и галстук. Увидев полоски оголенной кожи между штанинами и носками, Рут едва не заплакала.

— Можно войти? — спросила она.

Отвлеченные от горя, они удивленно подняли глаза — Рут увидела их влажные и опухшие щеки, — Дэн встал и аккуратно помог Лорен сесть. Она пережила от холода, он укутал в плед ее тонкие плечи. От капельницы над головой к правой руке змеей вился катетер. Ее лицо — непроницаемое и ужасающе бледное. Она была похожа на брошенное дитя.

Рут присела на край кровати и обняла ее.

— Как же несправедливо! Ты не заслужила всей этой боли.

Рут хотела укачать дочь, чтобы все поскорее прошло, но Лорен сжалась и вырвалась из ее объятий.

— Мама, не надо, пожалуйста! — Она сглотнула. — Наверное, это просто не мое... — Ее лицо дрогнуло и тут же застыло снова.

Рут отстранилась, на нее нахлынули любовь и разочарование — чувства, которые так часто пробуждала в ней Лорен: даже сейчас, в такой тяжелой ситуации, она не поддавалась, не позволяла себя утешить. Она была такой с самого рождения — погруженной в себя и замкнутой девочкой, скрытным и недоверчивым подростком, — всегда отстраненная и недоступная. С появлением Дэна они еще больше отдалились друг от друга.

Адам хотел обнять Дэна и потянулся к нему, но передумал и просто пожал ему руку. Затем отошел в угол комнаты, встряхнул мокрое пальто и повесил его на крючок за дверь. Дэн придвинул к кровати два стула, и Адам с Рут сели.

Лорен рассказала, как, едва Дэн уехал на работу, на нее обрушились схватки. В такси началось кровотечение, она ехала и мечтала, чтобы боль утихла и все снова было в порядке. Как страшно ей было сидеть одной в приемной — матка сокращалась, кровь стекала по ногам и капала на линолеум. По лицу доктора во время осмотра она поняла, что все кончено. На этот раз кровотечение было гораздо сильнее: произошедшее можно с натяжкой назвать родами, она даже видела плод. Размером с кулак, почти полностью оформленный: с головой, ручками, ножками и даже ресницами. “Я держала его вот так, — говорила она, вытянув сложенные лодочкой руки и видя перед собой воспоминания. — Мой малыш”.

Адам подался вперед и обхватил лицо руками.

— Ох, доченька! — Рут почувствовала вину за то, что не испытывала трудностей при вынашивании и рождении детей, и кое-что еще — ноющую боль старой раны. — Как же я могла оставить тебя совсем одну? Я должна была быть рядом, я могла бы помочь!

— Напрасно ты думаешь, что смогла бы это предотвратить, — отрезала Лорен. — Никто бы не смог. Я просто сидела дома и рисовала. Мам, я не виновата!

— Ну конечно, не виновата, — ответила Рут.

— Наша ошибка в том, что мы понадеялись, — сказал Дэн так, будто их ребенка убил безрассудный оптимизм. — Акушерки утверждали, что выкидыш после тринадцатой недели маловероятен, и мы им поверили. А зря.

— Теперь говорят... — Голос Лорен дрогнул. — Скажи ты, — шепнула она Дэну.

— Хирург, который останавливал кровотечение, сказал, что Лори может погибнуть, если еще раз забеременеет.

Его слова повисли в воздухе.

— Ох, милая, — пробормотала Рут.

Лорен ничего не ответила, только плотно зажмурила глаза. Рут представила, как за закрытыми веками, будто река разлилась, хлынули слезы.

Завязался неловкий разговор, который прервал Адам, предложив не предаваться отчаянию и заказать что-нибудь на ужин. Лорен покачала головой.

— Спасибо, пап, мы не голодные. Может, поедете домой? — Она взглянула на Рут. — Меня еще поддержат здесь, сделают переливание. Дэн за мной присмотрит.

— Точно справитесь без нас? — с заметным облегчением Адам встал и принялся натягивать пальто. Он

подошел к кровати и поцеловал Лорен в лоб. Попытался что-то сказать, но подходящих слов не нашлось, так что он взял портфель и удалился.

Рут подалась вперед и обняла Лорен.

— Выздоровливай скорее, милая, я напишу тебе завтра, но, если захочешь поговорить, звони в любое время. Постарайся поспать.

Дэн проводил их до конца длинного коридора.

— Нелегко тебе пришлось, — сказала Рут.

Он кивнул и посмотрел на нее полными ужаса глазами, будто вновь переживал страшные воспоминания.

— Там было столько крови, ее никак не могли остановить. Я боялся, что она не выживет.

— Ты в шоке, Дэн, тебе тоже нужно отдохнуть.

Дэн отвернулся, и Рут заметила, что он изо всех сил пытается сохранить самообладание.

— По утрам в понедельник мои коллеги в офисе показывают друг другу забавные видео своих детей, которые снимали на выходных. Обычно я не принимаю в этом участия и просто пялюсь в монитор, но на прошлой неделе я принес снимок нашего малыша. Все были в восторге, угощали меня пивом после работы и наперебой рассказывали, как здорово быть отцом. А теперь... — Он сжался, задыхаясь от горя. — Все пропало. Опять!

За все годы лечения от бесплодия и выкидышей Дэн ни разу не давал волю чувствам. Это одна из причин, по которой они никогда не были с ним по-настоящему близки. Теперь же глаза Рут наполнились слезами.

— Мне так жаль, что тебе пришлось пройти через все это.

— Простите, не обращайтесь внимания. — Он расправил плечи. — Расчувствовался в самое неподходящее время. Лори сейчас только этого не хватало. — Дэн тяжело вздохнул. — ЭКО давало нам надежду целых пять лет. Не представляю, как она со всем этим справится.

Адам понимающе кивнул.

— Будет тяжело.

— Не то слово, — сказал Дэн и безрадостно хмыкнул. — В подвале клиники наших детей целый холодильник: хотя бы один из них да должен пережить беременность! — Он поморщился. — Но нам ведь этого не видать, потому что мы с Лори неудачники.

— Не говори так, — ответила Рут и положила руку ему на плечо. — Может, вам стоит поискать суррогатную мать, которая выносит одного из ваших эмбрионов? Лорен говорила, есть такая возможность.

— Мы это обсуждали, но дело в том, что мы уже потратили тридцать тысяч фунтов, прошли через ад, но все равно ничего не получается. — Дэн потер лицо, стараясь стереть воспоминания. — Не знаю, насколько меня еще хватит...

Адам нахмурился.

— Понимаю. Суррогатное материнство стоит недешево, к тому же столько подводных камней...

Рут бросила на мужа суровый взгляд и шепнула: “Не сейчас!”

— Прости, Дэн, мне не стоило об этом упоминать, — сказала она. — Вы устали, сейчас не время это обсуждать. Просто я не хочу, чтобы вы опускали руки.

— Да уж. — Дэн посмотрел на них затуманенными от слез глазами. — Но вообще спасибо большое, что приехали. Я, пожалуй, пойду обратно.

Рут и Адам смотрели ему вслед. Он перевернул висевшую на крючке бело-голубую табличку, зашел в палату и закрыл за собой дверь.

НЕ БЕСПОКОИТЬ

Они ехали по ночному Лондону молча, глядя прямо перед собой. Все эти поездки в больницу заканчивались одним и тем же — их молчаливым согласием с тем, что слова будут излишни. Рут думала, испытывает ли Адам такое же чувство дежавю. Вспоминает ли он, как однажды утром, в другой жизни, они ехали в другую больницу? Она никогда не спрашивала его об этом, боясь нарушить с большим трудом установленное равновесие. Опыт, который они пережили вместе, но ни разу толком не обсуждали, копился пузырем под поверхностью их брака.

Когда они проезжали по Воксхолльскому мосту и под ними скользила черная блестящая поверхность Темзы, Рут сказала:

— Я чувствую себя виноватой из-за того, что Лорен и Алекс так легко появились на свет. Нам ведь казалось, это самое обычное дело.

— Мне так никогда не казалось.

— Адам... — предупреждающе произнесла она.

— Я имел в виду, что...

— Мы оба знаем, что ты имел в виду, но давай сейчас не будем об этом, ладно? Только не сегодня — и так тошно.

Вновь разлученные тишиной, они ехали дальше — по набережной и по темным улицам Вест-Кенсингтона.

— Прости, зря я это сказал — извинился Адам. Они проезжали знакомые места: слева промелькнула

детская площадка старой Хаммерсмитской начальной школы для девочек, затем парк Рэйвенскорт, где они учились кататься на велосипедах, играли в лапту по выходным и пили, будучи подростками. — Просто ужасно видеть Лорен в таком состоянии и осознавать, что не можешь помочь. Все впустую.

— Я понимаю, — ответила Рут, коснувшись его плеча. Он потянулся к ней и взял ее за руку.

Голдхок-роуд затопило. В оцепленной зоне на углу их улицы при свете прожекторов работала аварийная бригада. Дождь прекратился, но задул порывистый ветер, и маленькие серые облака неслись по оранжевому, заляпанному городскими огнями небу.

Пока Адам искал ключи, Рут смотрела на узкий высокий дом, где они прожили больше тридцати лет. Она вспоминала, как принесла сюда дочерей — сначала Лорен, затем Алекс, — робкую поездку из больницы королевы Шарлотты: Адам ведет машину с осторожной серьезностью, присущей молодым отцам, а она устроилась на заднем сиденье и никак не может отвести глаз от малышки в детском кресле рядом с ней. То радостное волнение, с которым они вошли в дом, забыть невозможно. Того же Рут хотела и для Лорен: чтобы она испытала ощущение всеобъемлющего счастья, вступая в удивительный мир материнства после долгих лет бесплодия. Вместо этого дочь вернется в квартиру, которая должна была стать семейным гнездышком, с пустыми руками и обреченным чревом. Образ Лорен, уткнувшей в подушку полупрозрачное от горя лицо, разрывал ей сердце — она страстно желала все исправить, но это было не в ее силах.

Рут машинально накрыла стол на кухне, положила хлеб и немного сыра, но есть им не хотелось. Адам

оставил голосовое сообщение для Алекс: она летела из Сан-Франциско, где теперь жила, на конференцию в Сиэтл и, как только самолет приземлится, она обо всем узнает. Затем они рухнули на диван и включили новости. Вскоре Рут зевнула.

— Я бы уже пошла спать, но у тебя, наверное, куча работы?

Адам потянулся и крикнул.

— Боюсь, что да. С утра принесли новую пачку документов, а завтра опять в суд. Пора идти, — сказал он и улыбнулся Рут. — Поднимайся в спальню, я постараюсь тебе не мешать.

— Не волнуйся, я лягу в гостевой, а ты работай спокойно хоть до утра. — Рут обняла его. — Люблю тебя, Адам.

— Знаю, я тебя тоже люблю, — ответил он и поцеловал ее в макушку.

Они сжимали друг друга в объятиях, закончив про себя: “Несмотря ни на что”.

Рут поднималась по лестнице, когда Адам сказал:

— Прости, я совсем забыл спросить: как показ?

Она ответила не сразу: чтобы вспомнить, пришлось напрячься.

— Когда Дэн написал, он только начался. Но я уверена, что все прошло отлично. — Она с грустью посмотрела на него и добавила: — Кажется, будто это было так давно.